

А. П. Зыков, О. Е. Пошехонова
**МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ С ПАМЯТНИКА РЁЛКИНСКОГО
ЭТАПА НИЖНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ р. ХАРАМПУР***

УДК 903.2(571.122)

ББК 63.442.7(253.3)

Статья посвящена полной публикации материалов поселения Усть-Харампур 17 — самого северного археологического памятника рёлкинского этапа нижнеобской культуры (конец VI–VII вв.). В ней содержится информация по полевой части исследования памятника и по камеральной обработке керамических, железных и бронзовых находок с него, в том числе сделанных методом микроструктурного металлографического анализа. Выводы, полученные при исследовании вещей поселения Усть-Харампур 17 далеко выходят за рамки этого памятника.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, бассейн реки Пур, втульчатый топор, втульчатый нож, рыболовный крючок, феррит, феррито-перлит, видманшитеттова структура*

Ареал распространения археологических древностей рёлкинского этапа нижнеобской культуры (конец VI–VII вв.), выделенного совсем недавно, до сей поры ограничивался исключительно территорией Сургутского Приобья.¹ И вот появились новые данные, позволяющие расширить его географию (рис. 1, 1). Достоверно установлено, что племена, относящиеся к этой культуре, обитали на берегах р. Харампур в бассейне Пура. Летом 2011 г. археологическая экспедиция Института проблем освоения Севера (ИПОС) СО РАН под руководством О. Е. Пошехоновой проводила обследование небольшого участка левой террасы р. Харампур в нижнем течении. До этого левый берег реки оставался неизученным, в то время как на правой террасе уже было открыто несколько десятков поселений, городищ и промысловых комплексов, большая часть которых датируется ранним железным веком и средневековьем. В 2011 г. были найде-

ны объекты преимущественно этого же времени. Речь в статье пойдет об одном из них — о поселении Усть-Харампур 17.² Необходимо отметить, что он исследован лишь тремя небольшими шурфами общей площадью 8,75 кв. м, но обнаруженные артефакты настолько интересны, что было решено посвятить им отдельную публикацию.

Поселение Усть-Харампур 17 расположено в 12,6 км к юго-востоку от устья р. Харампур, к югу от небольшого мысовидного выступа, на изогнутом участке террасы, на высоте 4,5–5 м от уровня заболоченной поймы (рис. 1, 2). Русло реки находится в 0,5 км от террасы, поселение отделено от него несколькими разновременными старицами. Усть-Харампур 17 состоит из пяти западин различной формы и размеров (рис. 1, 3). Западины № 1–4 расположены относительно компактным скоплением на расстоянии 5–10 м друг от друга. Западина № 5 обнаружена в отдалении от них, в 50 м к востоку, практически на бровке террасы.

Западина № 1 подпрямоугольной формы с коридорообразным выходом на юго-восточной стороне, размерами 4,4х6,0 м, глубиной 45 см. Западина № 2 округлой формы размерами 6,4х6,7 м, глубиной 68 см.; расположена таким образом, что ее южная граница проходит практически по краю небольшого округлого естественного понижения рельефа, отчего создается впечатление,

¹ См.: Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012. С. 68–77, рис. 30–35.

Зыков Алексей Павлович — к. и. н., с.н.с. сектора археологии и эпохи раннего металла Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Пошехонова Ольга Евгеньевна — н. с. лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

* Работа выполнена по проекту № 12-П-201 «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика»

² См.: Пошехонова О. Е., Рябогина Н. Е., Иванов С. Н. Археологические и палеоэкологические исследования памятников раннего железного века и средневековья в бассейне р. Харампур // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. археол. конф. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 149–156.

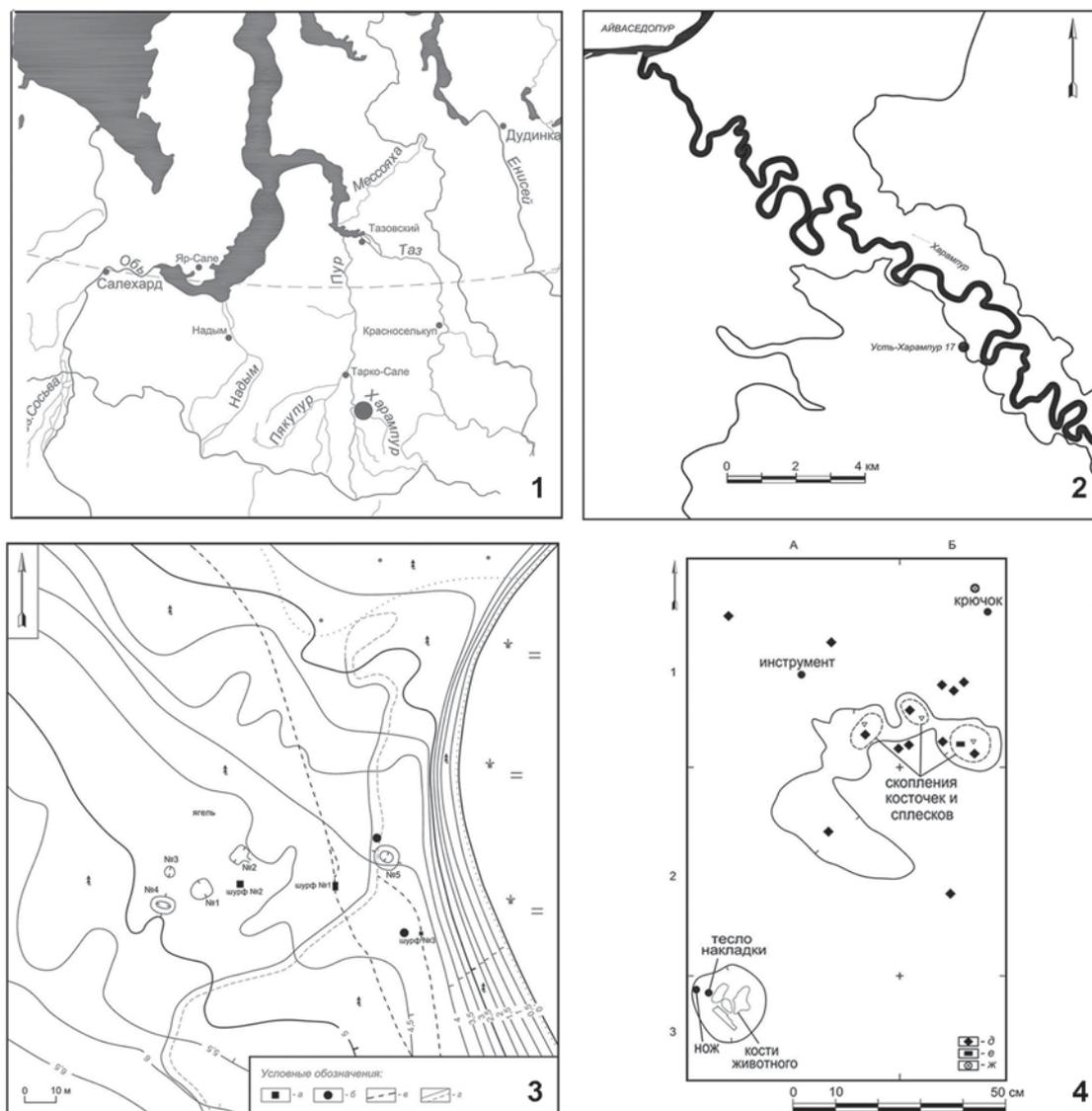

Рис. 1. Поселение Усть-Харампур 17

1 — местоположение памятника в границах ЯНАО, 2 — расположение памятника в низовьях р. Харампур, 3 — инструментальный план памятника, 4 — план шурфа № 1

что с юга западина как будто оконтурена валом. Западины № 3–5 значительно меньших размеров и глубины, две из них с обваловкой. Возможно, это небольшие хозяйственные постройки, которые существовали в поселке вместе с жилищами, но может оказаться, что разнородные западины относятся к разному времени.

На площади поселения заложены три шурфа и собран подъемный материал. Два шурфа выкопаны на месте сбора этого материала, один шурф разбит близко к западинам № 1 и 2 с целью исследования границ распространения культурного слоя. В результате работ найден относительно однородный и многочисленный комплекс находок (117 ед.).

Керамика. Практически все фрагменты обнаружены в шурфе № 3, несколько — найдено

рядом с ним на поверхности, как подъемный материал, и один — в шурфе № 1. Все фрагменты можно отнести к одному комплексу, который, судя по количеству венчиков, состоит из 5 сосудов (рис. 2). Фрагменты стенок и венчиков очень мелкие, поэтому представление о форме посуды не получено. Толщина стенок и венчиков от 3,5 редко до 7 мм, срез плоский с карнизиком по внутреннему краю. Шейка и плечико не выражены, венчики прямые, либо у сосудов было высокое горло. Судя по всему, орнаментом была декорирована верхняя часть сосудов, срез венчиков и карнизик по внутреннему краю. Орнамент состоит из горизонтальных рядов отгисков различных штампов. По венчику сверху наносили два или три ряда отгисков штампов, далее — поясик из ямок; ниже также

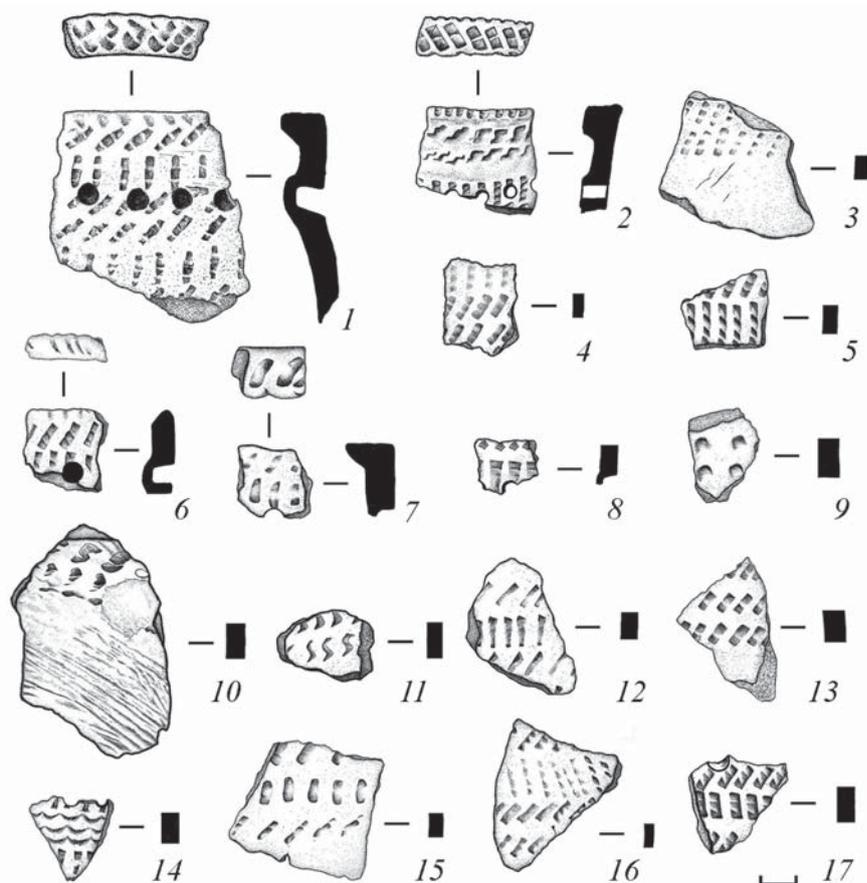

Рис. 2. Керамика рёлкинского этапа нижнеобской культуры поселения Усть-Харампур 17

шли ряды оттисков. Самым распространенным был штамп в виде гребенки с двумя или более зубцами, который ставили или вертикально, или наклонно. Есть фрагменты, украшенные оттисками фигурных штампов в виде уточки, скобочки и буквы S. Все это отличает керамику рёлкинского этапа нижнеобской культуры и позволяет датировать комплекс концом VI–VII вв. Этот небольшой, крайне фрагментированный и, в общем-то, не очень выразительный комплекс керамики все же имеет несомненные аналогии в гораздо более представительных коллекциях Барсовой Горы и Сайгатино — городищ Барсов городок II/11 и II/15, могильника Барсовское V, селища Кучиминское XXXIXc. Большинство их уже опубликовано.³

В шурфе № 1 (1,5 x 2,5 м) вместе с единственным фрагментом керамики, украшенным оттисками гребенки и, бесспорно, относящимся к вышеописанному комплексу, была найдена серия металлических предметов и костя-

ное изделие (рис. 1, 4). Культурный слой здесь практически отсутствовал (за исключением ямок) либо был малой мощности и неотличим от окружающего материка — подзола, что, вероятно, связано с кратковременностью антропогенного воздействия. Два предмета (железный инструмент и крючок) лежали в нижней гумусированной части очеса, на тропинке, где он был слегка выбит. Остальные находки обнаружены на глубине всего 2–5 см от поверхности и в ямках (дно самой крупной из них было зафиксировано на уровне 25 см от поверхности). Можно предположить, что до недавнего времени на этом месте был «выдув», поэтому слой почвы не образовался и не перекрыл средневековые отложения. Такое явление не редкость на хорошо дренированных террасах рек в зоне северной тайги.

В шурфе № 1 исследован необычный объект. Сразу под очесом была зафиксирована полукруглая канавка максимальным внешним диаметром около 1 м, шириной от 5 до 30 см. После выборки верхней части заполнения канавка разделилась на четыре отдельные ямки. Глубина этих ям 5–10 см, заполнение сходное

³ См.: Там же. С. 69, 70, рис. 34, 35; Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Раскопки средневекового селища Кучиминское XXXIXc в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 298–311.

и имеет слоистый характер. Интересно, что визуально они в плане и разрезе ничем не отличались от обычных угольных линз, которые в большом количестве встречаются в «стерильном» подзоле. Стоит отметить, что прокалы в этом шурфе не зафиксированы. Ямки были плотно забиты угольками, шлаком и жжеными косточками. Среди них уже в камеральных условиях обнаружен обломок костяной игольницы. В них же и рядом найдены бронзовые сплески и капли (53 шт.). Игольница, состоящая из трех обломков, представляет собой костяную трубочку, сделанную из длинной кости животного, скорее всего птицы (рис. 3, 3). Размеры сохранившейся части 2,5 x 7,0 x 28,0 мм, толщина стенки 1 мм. Форма в сечении подпрямоугольная или подквадратная, грани хорошо выражены. Две из сторон трубочки частично украшены орнаментом — поперечными пропилами, сгруппированными по четыре и восемь штук. Пропилы глубиной 0,5 мм выполнены металлическим инструментом, расстояние между ними 0,8 мм, расстояние между группами 3,5 мм. Изделие подверглось непродолжительному обжигу.

На некотором расстоянии от этой канавки была расчищена ямка чуть больших размеров (диаметр — 37 см, глубина — 20 см), заполнение которой едва отличалось от окружающего материка. На дне были выложены пережжен-

ные кости животного, которые подверглись низкотемпературному и кратковременному обжигу на стороне, так как они сохранили форму, имеют темно-коричневый цвет и практически не деформированы. Наружная компактная ткань костей покрыта продольными прямыми трещинами, что указывает на горение с мягкими тканями. Один из обломков — фрагмент диафиза длинной кости, остальные — фрагменты плоской, вероятно тазовой кости достаточно крупного животного (лось, медведь?). На дне ямки к западу от обломков костей одна на другую были выложены две бронзовые накладки на пояс с изображением медведей в «жертвенной позе» (рис. 4), на них был уложен втульчатый железный топор (рис. 3, 1). В западную стенку ямы в материк был воткнут острием вниз и вбок, на глубину всего клинка боевой или охотничий железный втульчатый нож (рис. 5). Еще в заполнении ямы рядом с ножом были обнаружены два небольших обломка металлических изделий (одно бронзовое, другое железное).

Планиграфия и стратиграфия объектов позволяют предположить, что на окраине поселения существовала производственная площадка по обработке и литью бронзовых изделий, рядом с которой проводились некие ритуальные действия. Однако отсутствие следов прокала наводит на некоторые размышления. Но делать какие-либо выводы на основе

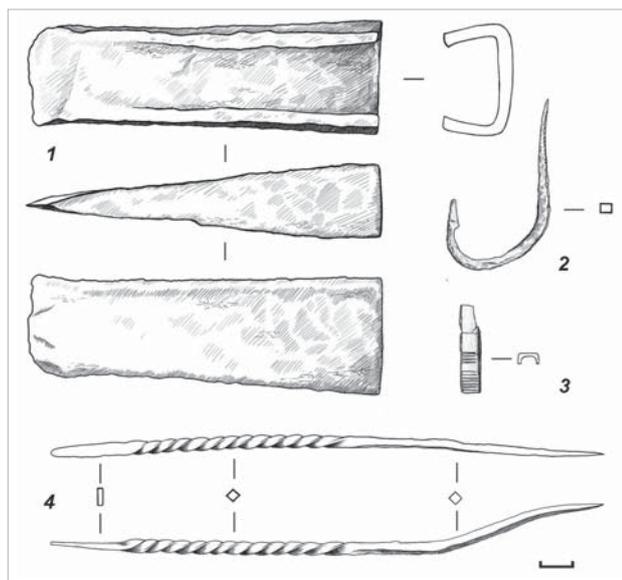

Рис. 4. Средневековые материалы поселения Усть-Харампур 17 (прорисовка)

1 — топор-тесло, 2 — рыболовный крючок, 3 — костяное изделие, 4 — железное изделие

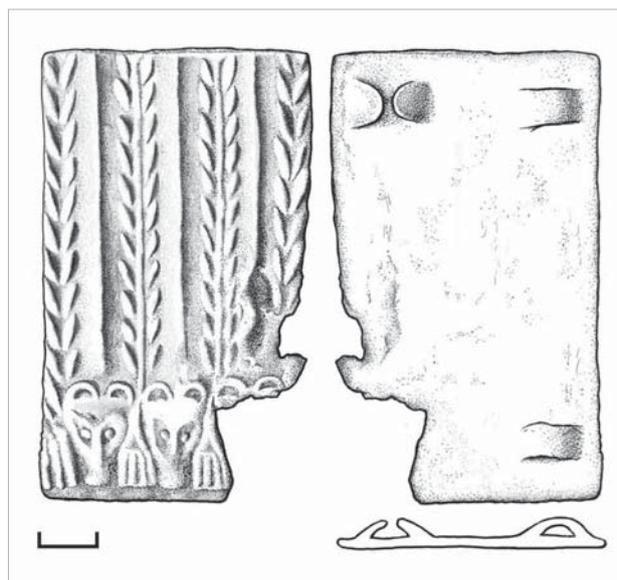

Рис. 4. Бронзовая литая накладка на пояс из средневековых материалов поселения Усть-Харампур 17

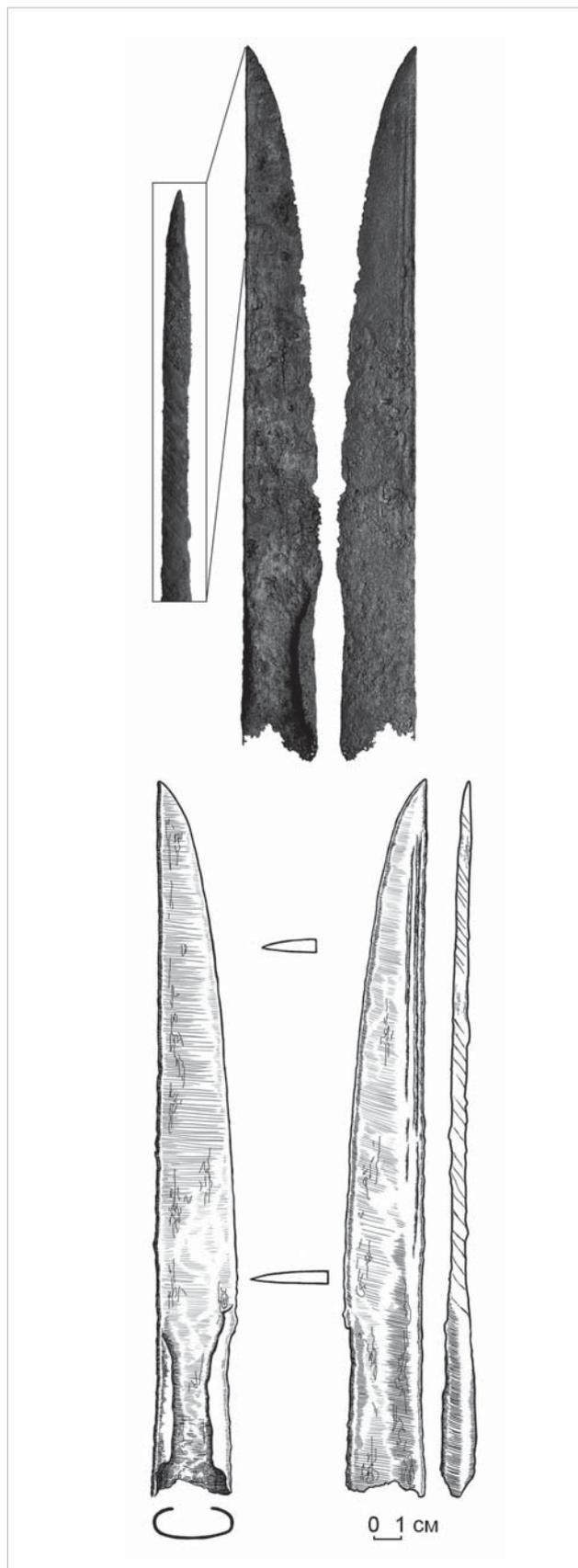

Рис. 5. Боевой или охотничий однолезвийный нож со втульчатый насадом из средневековых материалов поселения Усть-Харампур 17

исследования небольшого шурфа, на наш взгляд, некорректно, т. е. требуется проведение дальнейших работ.

Далее подробно остановимся на описании серии металлических изделий, которые были исследованы в Институте истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) А. П. Зыковым.

Боевой или охотничий однолезвийный нож со втульчатый насадом, железный (рис. 5). Общая длина изделия 275 мм, насада — 68 мм, клинка — 207 мм. Ширина клинка до 30 мм. Толщина спинки клинка 4,5 мм. Клинок имеет одностороннюю правую заточку, что вообще характерно для большинства длинных боевых ножей, рубильных ножей и для многих коротких универсально-хозяйственных ножей западносибирского производства I–II тыс. н. э. На правой стороне клинка у спинки расположено два параллельных желобка шириной 1,2 мм, глубиной 0,5 мм. Они проходят вдоль всего клинка почти от острия до рукояти. Из Северо-Западной Сибири известно только два боевых ножа с двойными узкими неглубокими желобками с обеих сторон клинка — из погребения 8 Сайгатинского III могильника конца XIII — первой половины XIV в. и из Сайгатинского святилища X–XVI вв. Любопытно, что оба этих ножа были сделаны из обломков клинкового оружия (нож из могильника Сайгатинского III — вероятно, из обломка острия сабельной полосы). Оба этих ножа изучены металлографически (анализ 826 и 1044), но никакой связи с технологией изготовления усть-харампурского экземпляра не прослеживается. Итак, узкие желобки-долы хоть и редко, но все же встречаются на клинковом оружии Западной Сибири. Отмечать эти характерные украшения, конечно, необходимо, но придавать им какое-либо хронологическое значение пока что не стоит.

Спинка клинка усть-харампурского ножа украшена косыми насечками от острия до рукояти, шаг насечек 1–2 мм. Скорее всего, это не просто украшение: насечки придавали широкой спинке ножа роль напильника. Подобное оформление спинок средневековых западносибирских хозяйственных ножей, придающее им еще и функции напильников-пил, встречается не так уж и редко.⁴

Особое значение имеет характер рукояти усть-харампурского ножа. Она имеет вид

⁴ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 87, рис. 43, 5, 8, 11.

несомкнутой втулки длиной 68 мм овального сечения размером до 28x12 мм. Вне всякого сомнения, это колюще-рубящее железное оружие имело втульчатый насад для деревянного древка. Это древковое оружие было весьма близко к «боевым косам» средневековья Западной Европы. Во Франции их называли «штурмовыми ножами»,⁵ в России — «совнями».⁶

Очень близкие аналоги усть-харампурской находке известны в Южной Сибири — это «штыковые ножи со втульчатой рукояткой» тюхтякской и аскизской культур. Ю. С. Худяков считает их наконечниками копий, в пользу чего свидетельствует характер насада, явно предназначенного для достаточно длинного древка.⁷ И. Л. Кызласов определяет эти орудия как «самобытные по форме ножи».⁸ Среди металлографически исследованных клинков втульчатых ножей Тувы выявлены две технологические схемы — двуслойный пакет из среднеуглеродистой и малоуглеродистой стали (анализ 632, курган 1 могильника Хемчик-Бом II) и цельные среднеуглеродистые (анализ 632, курган 4 могильника Улуг-Хорум). Аналогичный нож, проанализированный Кхоанг Ван Кхоаном, был скован из углеродистой стали и подвергнут мягкой закалке.⁹

Анализ 1457. Втульчатый боевой нож

Шлиф сделан на 1/2 поперечного сечения клинка. До травления на поверхности шлифа было видно одно крупное шлаковое включение, вытянутое ковкой, и немногочисленные мелкие. После травления ниталем на большей части шлифа открылась однородная феррито-перлитная структура с содержанием углерода 0,3 % и величиной зерна 4–5 единиц ГОСТа (4–5 ед./мкм²). У одной спинки шлифа встречена зона с повышенным содержанием углерода — до 0,4–0,5 % — и с участками видманштеттовой структуры.

Вывод. Клинок ножа откован из неравномерно науглероженной заготовки. Качество

металла иковки среднее. В процессековки допущен пережог изделия.

Усть-харампурской боевой втульчатый нож хорошо вписывается в круг своих южносибирских аналогов и ничем особо не отличается от них по технике своего изготовления (сравним с экземпляром из кургана 4 могильника Улуг-Хорум). Именно эта усть-харампурская находка проливает новый свет на проблему происхождения такого колюще-рубящего древкового оружия, как сибирская пальма. Скорее всего, сама идея появления и производства на севере Западной Сибири этого необычного и редкого вида оружия была заимствована из Южной Сибири, из районов ареала тюхтякской культуры. Истоки этой идеи уходят в раннее средневековье, когда появились втульчатые боевые ножи типа усть-харампурского. Они существовали параллельно с рубильными ножами — типично западносибирским клинковым рубяще-колющим ручным оружием. Последние известны с конца III — первой половины IV вв. (Холмогорская коллекция) до XVII — начала XVIII вв. (Надымский городок). Идея соединения массивного колюще-рубящего клинка рубильного ножа и способа черешкового насада на древко и привела к созданию оригинального оружия — сибирской пальмы. Самый ранний образец классической пальмы был найден в слоях XVII в. русского города Мангазеи.¹⁰ До конца XIX–XX вв. наконечник пальмы типологически более не изменялся.

До усть-харампурской находки в Северо-Западной Сибири был известен один нож со втульчатой рукоятью, но он относился к категории универсально-хозяйственных. Он был найден при раскопках в 1986 г. в межмогильном пространстве группы погребений X — начала XI вв. могильника Барсов городок. Он имел короткий сильно сточенный однолезвийный клинок длиной 52 мм и длинную (107 мм) несомкнутую втулку рукояти овального сечения (17 x 11 мм). У основания втулки имелось сквозное отверстие для заклепки крепления древка. В синхронных этой находке древнерусских памятниках Восточной Европы также встречаются (очень редко) железные хозяйственные ножи с втульчатым насадом, в частности, они происходят с городища Лукомль.¹¹

⁵ Функен Ф., Функен Л. Средние века. VIII–XV века. Доспехи и вооружение. Крепости и осадные машины. Рыцарские турниры и гербы. М., 2002. С. 112, 113.

⁶ Фон Винклер П. П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1992. С. 287, рис. 389.

⁷ См.: Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 55, 58, табл. XI, 8.

⁸ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е 3-18. С. 38, табл. XVIII, 8, 9.

⁹ См.: Кхоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. — XII в. н. э.) // СА. 1974. № 4. С. 116, 117.

¹⁰ См.: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. С. 89, табл. 78, 10.

¹¹ См.: Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII вв. Минск, 1987. С. 41, рис. 13, 5.

При достаточно глубокой типологической разработке хозяйственных ножей Северо-Западной Сибири (449 учтенных типологически определяемых ножей, из них металлографически изучено 317) было выделено два отдела:¹² А — со втульчатым насадом (1 экземпляр), Б — с плоской рукоятью (все остальные).

Отдел «нож со втульчатым насадом» представлен одним экземпляром — барсовским хозяйственным ножом, который использовали в основном для снятия бересты с деревьев. А усть-харампурский нож, без сомнения, был боевым и охотничьим оружием, но оба имели один способ насада. И теперь для боевых ножей Северо-Западной Сибири (а их насчитывалось 45, из них 30 были металлографически изучены) появился свой отдел А «боевые ножи со втульчатым насадом», который представлен пока одним экземпляром.

Барсовский хозяйственный нож тоже был изучен металлографически. Его клинок имел классическую трехслойную технологию: в центре стальная углеродистая полоса, по бокам — железные (анализ 1064). Судя по участкам видманштеттовой структуры, изделие было пережжено. Технология трехслойного пакета в Северо-Западной Сибири появляется с IX в. Уже в погребениях конца кучиминского этапа могильников Барсов городок и Сайгатинского III среди исследованных хозяйственных ножей было пять трехслойных пакетных. С кингусовского этапа эта технология встречается не только на клинках хозяйственных ножей, но и на боевом ноже — скрамасаксе (анализ 1056, могильник Барсов городок). И в дальнейшем на заведомо более поздних памятниках, таких как городище Шеркалы I, Перегребное I, Ендырское I,¹³ трехслойные пакетные ножи составляют значительную часть больших металлографических выборок. В материалах Надымского городка XVII — начала XVIII вв. трехслойные ножи также весьма заметны.

Технология трехслойного пакета является западной: Б. А. Колчин называл ее древнерусской или новгородской, В. И. Завьялов — скандинавской, но скорее всего, это было кузнечное новшество Северной Европы. Нужно признать, что в Сибирь (вплоть до Сургутского Приобья) эта технология пришла от русских. Каким

образом это происходило, особенно в IX в., — это вопрос, на который пока нет ответа. Конечно, часть трехслойных пакетных ножей являлась импортом в Северо-Западную Сибирь из русских земель. Таким был нож с деревянной цилиндрической рукоятью, обложенной тисненым латунным листом, найденный при раскопках Кучиминского IX городища (анализ 1103).

Единственное, что пока можно исключить, это южносибирское происхождение барсовского втульчатого ножа при всей типологической близости его к тюхтякским и аскизским аналогам. По результатам исследований больших серий железных изделий Хакасии и Тувы (Южная Сибирь), проделанных Кхоанг Ван Кхоаном (анализ 118 изделий, в т. ч. 88 ножей), а также и А. П. Зыковым (анализ 140 изделий, в т. ч. 10 ножей), можно сделать вывод о том, что трехслойная технология в кузнечном производстве этого региона не применялась.

Железный втульчатый топор — изделие, способное выполнять роль рубящего оружия (топора) и универсального деревообрабатывающего инструмента (тесла), в зависимости от способа насадки на глаголевидную рукоять (рис. 3, 1). Топор с несомкнутой втулкой, подпрямоугольный в сечении, спинка прямая. Длина изделия 111 мм, ширина лезвия 30 мм, сечение втулки 22 x 36 мм. Такие орудия были наиболее популярны в Северо-Западной Сибири в I — первой половине II тыс. н. э.: здесь известно более 30 таких экземпляров. До IX в. проушные топоры в Западной Сибири были неизвестны (за исключением топора из позднесаргатского погребения 2 кургана 1 Сидоровского могильника), так что втульчатые топоры являлись единственным видом такого рода рубящего оружия и орудий труда.

Западносибирские втульчатые топоры и тесла разделяют на 6 типов. Усть-харампурский экземпляр уверенно относится к типу 2 — с массивным прямым лезвием с двусторонней заточкой, с прямой спинкой, с овальной, близкой к четырехугольной в сечении втулкой. Вместе с этой находкой тип 2 включает 8 топоров — от самого раннего второй четверти I тыс. н. э. из сборов с могильника Арнъёган I¹⁴ до самого позднего конца X—XI вв. из погребения 64 Сайгатинского I могильника.¹⁵

¹² См.: Зыков А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II—XVII веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 13.

¹³ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Указ. соч. С. 281–284, рис. 82, 1279; 83, 1280.

¹⁴ См.: Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. С. 67, 70.

¹⁵ См.: Зыков А. П. Вооружение обских угров в X—XIII вв. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 150, табл. 4, рис. 2, 12.

Анализ 1458. Втульчатый топор

Шлиф сделан на участке поперечного сечения лезвия. До травления на поверхности шлифа были видны немногочисленные крупные шлаковые включения, вытянутые ковкой, в основном связанные со сварочным швом. После травления ниталем на поверхности шлифа выявилась однородная двуслойная феррито-перлитная структура с содержанием углерода от 0,1 до 0,3 %, величина ферритных зерен от 2 до 5 единиц ГОСТа (2–5 ед./мкм²). Сварочный шов невысокого качества.

Вывод. Изделие отковано из двуслойной заготовки малоуглеродистой стали, свернутой пополам и сваренной. Качество металла,ковки и сварки среднее.

Для усть-харампурского втульчатого топора существует очень хороший исследовательский фон, поскольку, кроме него, изучена технология изготовления 29 западносибирских втульчатых топоров и тесел. Большие серии подобных изделий исследованы Н. М. Зиняковым.¹⁶

По технологии ближе всего усть-харампурскому топору топор типа 2 из погребения 105 конца IX–X вв. могильника Усть-Балык (анализ 918) с лезвием из цельной малоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,1–0,2 %, топор типа 3 варианта «а» из погребения 176 X — начала XI вв. Сайгатинского I могильника (анализ 1032) и тесло типа 3 варианта «б» из погребения 214 IX в. могильника Барсов городок (анализ 1061). Два последних изделия имеют лезвия, сваренные из многочисленных слоев однородной малоуглеродистой стали (с содержанием углерода не более 0,3 %).

Конечно, в Северо-Западной Сибири есть много втульчатых топоров и тесел качеством как более низким, чем у изделия усть-харампурского, а именно из пакетного чистого железа (4 экз.), так и гораздо более высоким — из цельной или пакетной углеродистой стали, способной воспринять закалку, иногда и закаленных (7 экз.). Есть и топор-тесло типа 3 варианта «а», откованный из пакетного железа, после этого подвергнутый поверхностной цементации с последующей закалкой на мартенсит — из погребения 17 конца IX–X вв. могильника Усть-Балык (анализ 916). Но почти половину всех изученных втульчатых топоров и тесел Северо-Западной Сибири составляют изделия с гораздо более сложной технологией наварки стальных

лезвий на более мягкую, пластичную основу из железа или малоуглеродистой стали. Таких изделий было 14 из 30 (46,7 %!), из них 5 имели лезвия, закаленные на мартенсит. И все эти 5 высокотехнологичных образцов относились к эпохе конца раннего железного века: два топора позднесаргатских — с городища Павлиновского (анализ 1255) и жилища 2 поселения Исток III (анализ 861); три топора позднекулайской культуры — из погребения 1 Барсовского III могильника II — начала III вв. н. э. (анализ 1055) и из состава Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV вв. н. э. (анализы 27, 39). В более поздние периоды закалка на втульчатых топорах и теслах с наварными лезвиями не встречалась. Т. е. на достаточно большой выборке отчетливо фиксируется явный регресс, когда технология наварных пакетных стальных лезвий с последующей их закалкой в производстве важнейшей категории оружия и орудий труда (втульчатых топоров и тесел) первой половины I тыс. н. э. сменяется явным откатом в технологии, ее упрощением во второй половине I — середине II тыс. Наварка стальных лезвий не исчезла, но на втульчатых топорах и теслах Северо-Западной Сибири она уже не сопровождалась последующей закалкой вплоть до самого позднего изделия выборки — втульчатого тесла типа 6 городища Каменные пески середины II тыс. (анализ 888). Более того, в выборках кучиминского и кинтусовского этапов (VIII–XII вв.) нижнеобской культуры и сайгатинской культуры XIII–XVI вв. стали абсолютно преобладать более простые поковки. А это уже пример стагнации в области технологии железообработки. Она явно фиксируется и по другим выборкам иных категорий изделий, прежде всего по хозяйственным и боевым ножам.

Железный инструмент (рис. 3, 4). Длина изделия 175 мм. У него два рабочих конца и рукоять в центре. С одного конца имеется проковка или шило. Этот рабочий край длиной 77 мм изогнут в средней части, в разрезе четырехгранный (прямоугольный с размерами 2,8 x 3,2 мм), на конце острый. В середине изделия имеется рукоять длиной 74 мм, выполненная из перекрученного четырехгранного стержня. Толщина рукояти около 4,2 мм. Второй рабочий конец оформлен в виде лопатки или шпателя длиной 24 мм. По краю лопатка тупая, неприостренная. Конец лопатки в плане округлый, ширина 5,5 мм, толщина 2,2 мм. Лопатка выполнена из того же стержня, который расплющили, после чего ему придали

¹⁶ См.: Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово, 1997.

определенную форму. Возможное назначение инструмента — работа с кожей, берестой или глиной в качестве орнамента и проколки. Этот инструмент очень подходил бы для выполнения некоторых операций при орнаментации глиняной посуды рёлкинского этапа нижнеобской культуры: шпателем или лопаточкой можно наносить желобчатые продольные линии или ставить отступающие оттиски наклонного «лопаткообразного» штампа, а острым концом — оставлять ямки под венчиком. Все эти операции были характерны при орнаментации сосудов рёлкинского (конец VI–VII вв.) и кучминского (VIII–IX вв.) этапов. После обнаружения этого инструмента можно допустить, что существовали специальные железные орнаменты, более долговечные, чем деревянные и костяные. Кроме того, можно предположить, что этот предмет применялся в качестве маникюрного инструмента. Ни для чего более этот инструмент из мягкого железа приспособить было нельзя. Аналоги ему пока не выявлены.

Анализ 1459. Инструмент

Шлиф сделан на полном поперечном сечении острого конца изделия. До травления на поверхности шлифа были видны многочисленные шлаковые включения, как точечные, так и крупные аморфные и вытянутые ковкой. Пролетываются многочисленные трещины. После травления ниталем на поверхности шлифа выявилась трехслойная ферритная структура с размером зерна от 3 до 5–6 ед. ГОСТа (3–6 ед./мкм²). Сварочные швы низкого качества, сильно забиты шлаковыми включениями.

Вывод. Изделие отковано из трехслойной железной заготовки. Качество металла среднее,ковки и сварки — низкое. Ковка заканчивалась по уже остывшему металлу. Наклеп в данном случае, скорее всего, был преднамеренным: он способствовал упрочнению колющей рабочей части изделия.

Железный рыболовный крючок (рис. 3, 2). Выполнен из четырехгранного стержня подпрямоугольного в сечении (3,1x3,9 мм). Длина изделия 55 мм, ширина — 32 мм. Цевье длиной 38 мм приостренное, без ушка, с насечками по краю ребер для привязывания лесы (расстояние между насечками 0,2–4,0 мм). Обушок изогнут. Жальце длиной 9 мм с бородкой на внутренней стороне. Этот крючок для удилица — достаточно редкая археологическая находка для средневековья Северо-Западной Сибири. Большинство найденных железных крючков относится к при-

способлениям снастей-перевесов. Еще более крупные крючья, часто в литературе называемые рыболовными, на самом деле являлись предметами утвари, никакого отношения к рыболовству не имеющими, — очажными крючьями, частью приспособлений регулирования подвески посуды над огнем очагов, прежде всего глинобитных чувалов.

Усть-харампурский крючок относится к типу 1 рыболовных крючков с жальцами на острие. Ближайший хронологический аналог — крючок этого же типа 1 с Барсовского V могильника рёлкинского этапа конца VI–VII вв. нижнеобской культуры.¹⁷ Археологические крючки этого типа встречаются вплоть до позднего средневековья на таких памятниках, как городок Эмдер (2 экз.), городище Искер XV–XVI вв. (1 экз.), Надымский городок XVII — первой трети XVIII вв.¹⁸

Анализ 1460. Рыболовный крючок

Шлиф сделан на полном поперечном сечении острия крючка. До травления на поверхности шлифа были видны немногочисленные точечные шлаковые включения. После травления ниталем на шлифе выявилась неоднородная феррито-перлитная структура с содержанием углерода до эвтектоидного предела (до 0,8 %) в центре шлифа и с убыванием его до 0,4–0,5 % к краям. Величина зерна от 1–3 ед. ГОСТа в центре до 5–7 ед. — у краев.

Вывод. Изделие отковано из высокоуглеродистой стали. Качество металла иковки высокое. Некоторое понижение содержания углерода к краям шлифа никак не может свидетельствовать о недостаточном качествековки, скорее оно говорит о небольших размерах изделия, при которых избежать этого было практически невозможно.

В металлографической выборке городища Искер был крючок, очень близкий по размерам и внешнему виду к усть-харампурскому, только с расплюснутым концом цевья и с утолщением на нем для привязывания к снасти. И технология его изготовления (анализ 1345) очень близка к усть-харампурской: он откован из двуслойной среднеуглеродистой заготовки с содержанием углерода 0,4–0,5 %. При его производстве допущен пережог, судя по следам

¹⁷ См.: Зыков А. П. Барсова Гора... Рис. 33, 2; Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002. С. 7–74, рис. 5, 11.

¹⁸ См.: Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVII — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009. С. 153, рис. 3.21, 2, 3.

видманштеттовой структуры. В любом случае, и высокоуглеродистый усть-харампурский, и чуть менее качественный среднеуглеродистый пережженный искерский рыболовные крючки были изготовлены из высококачественной стали, которая, в общем-то, не требовалась в производстве столь простых орудий.

Необходимо отметить, что при исследовании соседнего с Усть-Харампуром 17 средневекового поселения Харампур 26 был обнаружен подобный, но слегка обломанный, крючок.

Бронзовые литые накладки на пояс, две единицы (рис. 4). Одна из них сильно повреждена, поэтому нет возможности охарактеризовать ее. Однако, судя по сохранившимся фрагментам, она точно такая же, как вторая. Размеры сохранившейся накладки 32 x 60 мм, толщина — около 2 мм. Один угол незначительно поврежден. Изделие плоское, форма его прямоугольная. На внутренней стороне по углам имелось 4 припаянные петли для крепления, в настоящий момент сохранилось 2 из них, одна разомкнута. На внешней стороне имеется три рельефных изображения медведей в «жертвенной позе». Подобные накладки входят в очень большой круг изделий I тыс. н. э. севера Западной Сибири и не только¹⁹. Они характерны для самых поздних памятников кулайской культуры и для карымского, зеленгорского, рёлкинского и кучиминского этапов нижнеобской культуры. Также они массово встречаются в синхронных им памятниках сопредельных территорий юга Западной Сибири и лесного Приуралья. В связи с этим датирующее значение этой находки невелико.

Исходя из имеющихся данных, исследованные металлические предметы можно датировать в широком хронологическом промежутке. Для некоторых из них на территории Западной Сибири аналоги не выявлены. Но все это несколько не противоречит отнесению памятника Усть-Харампур 17 именно к рёл-

кинскому этапу конца VI–VII вв. нижнеобской культуры. Полученные находки не только дополнили круг источников по истории раннего средневековья, расширили географические рамки существования рёлкинских памятников, но и пролили свет на некоторые частные, но весьма актуальные проблемы, например на проблему происхождения такого самобытного колюще-рубящего древкового оружия, как сибирская пальма. Теперь можно с уверенностью утверждать, что это заимствование из Южной Сибири попадает в Северо-Западную Сибирь в раннем средневековье и органично соединяется здесь с уже бытовавшими в этот период рубильными ножами. В итоге к XVII в. это оружие приобретает свою классическую форму, более не меняясь. Кроме того, обнаруженный инструмент по работе с мягким материалом (кожей, берестой, глиной) дает основание поставить вопрос о существовании у древних мастеров металлических орнаментов в дополнение к менее прочным деревянным и костяным. А это очень актуальная проблема, например, в области исследования технологии древнего производства керамической посуды. Также небезынтересна такая находка, как рыболовный крючок — достаточно редкая вещь.

Таким образом, очевидно, что исследование на поселении Усть-Харампур 17 и вообще на террасах р. Харампур необходимо продолжать: они позволят проследить историю этого значительного по площади региона с древних времен до наших дней. В задачи должно входить как уточнение представлений о средневековых коллективах (по результатам тщательных и комплексных работ), так и открытие новых объектов. Публикации средневековых материалов бассейна реки Пур на сегодняшний день единичны, несмотря на уже достаточно существенную изученность района, что также определяет необходимость в проведении таких работ.

Alexei P. Zykov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Olga E. Poshekhonova

Researcher, Institute of North Development, Siberian branch of the RAS (Russia, Tyumen)

E-mail: poshekhonova.olg@gmail.com

¹⁹ См.: Зыков А. П., Фёдорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 44, 45.

METAL ITEMS FROM THE RELKIN PERIOD ARCHAEOLOGICAL SITE
OF THE LOWER OB CULTURE IN THE HARAMPUR RIVER BASIN

The article deals with the publication of complete set of materials from Ust-Harampur 17 settlement — the northernmost archeological site of the Relkin period of the end of the 6th–7th centuries of the Lower Ob culture. It contains detailed information about field research of the site and the office studies of ceramic, iron and bronze finds including the ones involving micro-structural metallographic analysis. In view of the fact that conclusions made as a result of the study of Ust-Harampur 17 settlement inventory reach far beyond this particular site.

Key words: *Western Siberia, watershed Pur, socketed ax, socketed knife, fishing hook, ferrite, ferrite-pearlite structure vidmanshtettova*

REFERENCES

- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya. Materialnaya kultura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Material culture of Russian polar explorers and navigators XVI–XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 148 p. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P., Karacharov K. G. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepolzovaniya khantov* [Essays on the history of traditional use Khanty]. Ekaterinburg: “Tezis” Publ., 2002, pp. 7–74. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P., Noskova A. V. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi autonomous okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TomGU Publ., 2010, Issue 8, pp. 298–311. (in Russ.).
- Fon Vinkler P. P. *Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniyu i izobrazheniyu ruchnogo oruzhiya s drevneyshikh vremen do nachala XIX veka* [Weapon. A guide to the history, descriptions and images handguns from ancient times to the beginning of the XIX century]. Moscow: “Soft-Master” Publ., 1992, 332 p. (in Russ.).
- Funken F., Funken L. *Srednie veka. VIII–XV veka. Dospekhi i vooruzhenie. Kreposti i osadnye mashiny. Rytsarskie turniry i gerby* [Middle Ages. VIII–XV century. Armor and weapons. Fortresses and siege machines. Jousting and emblems]. Moscow: “Astrel” i AST Publ., 2002, 152 p. (in Russ.).
- Gurin M. F. *Kuznechnoe remeslo Polotskoy zemli. IX–XIII vv.* [Blacksmithing Polotsk. IX–XIII centuries]. Minsk: “Nauka i tekhnika” Publ., 1987, 149 p. (in Russ.).
- Kardash O. V. *Nadymskiy gorodok v kontse XVII — pervoy treti XVIII vv. Istoriya i materialnaya kultura* [Nadymskiy town at the end of XVII — the first third of the XVIII century. History and material culture]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: “Magellan” Publ., 2009, 360 p. (in Russ.).
- Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov* [Armament Yenisei Kyrgyz]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, 176 p. (in Russ.).
- Kyzlasov I. L. *Askizskaya kultura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [Askizsky culture of southern Siberia X–XIV centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1983, Issue E 3-18, 128 p. (in Russ.).
- Perevalova Ye. V., Karacharov K. G. *Reka Agan i ee obitateli* [Agan river and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: UrO RAN, studiya “GRAFO” Publ., 2006, 352 p. (in Russ.).
- Poshekhonova O. Ye., Ryabogina N. Ye., Ivanov S. N. *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiyskoy imperii* [Archaeology North of Russia: from the Iron age to the Russian Empire]. Ekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ., 2013, pp. 149–156. (in Russ.).
- Zinyakov N. M. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoy Sibiri* [Ferrous metallurgy and smithing Western Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1997, 368 p. (in Russ.).
- Zykov A. P. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priobya. Srednevekove i novoe vremya* [Barsova Gora: essays on archaeology Surgut Priobja. Middle ages and New times]. Ekaterinburg: “Uralskiy rabochiy” Publ., 2012, 232 p. (in Russ.).
- Zykov A. P. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekove Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [Early Iron age and the Middle ages Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 1987, pp. 143–154. (in Russ.).
- Zykov A. P., Fedorova N. V. *Kholmogorskiy klad: kolleksiya drevnostey III–IV vv. iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya* [Kholmogorsky treasure: a collection of antiquities III–IV centuries meeting of Surgut Fine Arts museum]. Ekaterinburg: ID “Sokrat” Publ., 2001, 174 p. (in Russ.).
- Zykov A. P., Koksharov S. F. *Drevniy Emder* [Ancient Emder]. Ekaterinburg: “Volot” Publ., 2001, 320 p. (in Russ.).